

дозах искренности мешают). Неизменна в этих текстах особая притягательность — из-за напряжения, заключенного между предчувствием и послевкусием...

Но тут сам себя притормаживаю: не слишком ли, может, это — от уважения к возрасту, заслугам; признательности за сделанное и открытое; от сентиментальности, в конце концов? Пусть так, в какой-то степени. Сентиментальность в канун Рождества — качество не лишнее.

И вот еще из Зорина — хорошие слова к завершению первого года рубрики в «Новой Юности». Это из разговора братьев Ф.: «Я сознаю свои возможности. Смирись, Малыш, твой брат — репортер, он не напишет “Войны и мира”. Мой род войск — легкая кавалерия».

Елена Погорелая

В конце осени самой обсуждаемой книгой был «Остров Сахалин» Э. Веркина («Эксмо», 2018) — *футурологический* роман, названный критиками, в том числе и Г. Юзефович, одним из самых значительных событий в современной литературе.

В конце лета промелькнул почти не замеченный профессиональными критиками, но отозвавшийся в читательской среде *антропологический* роман А. Клепиковой «Наверно я дурак» («Европейский университет СПб», 2018) — не приключенческий вымысел-квест, не постапокалиптическое фэнтези, а подробное документальное исследование. Исследование все той же жизни в аду.

Почему я их сравниваю? Потому что они похожи. И там, и там в центре событий оказывается исследователь — человек из другого мира, футуролог или антрополог. И там, и там этот «исследовательский» фокус хотя и обеспечивает дистанцию, но немало вредит непосредственному повествованию. Футурологические выкладки веркинской Сирени беспомощны, особенно на фоне действительно впечатляющих картин разлагающегося Сахалина. Антропологические изыскания волонтера Ани, под которую, чтобы попасть «в поле» — в ДДИ¹, а потом и в ПНИ², — мимикрирует студентка кафедры антропологии Клепикова, в отличие от ее же «полевых» наблю-

¹ Детский дом для детей-инвалидов, в котором содержатся дети от 4 до 18 лет.

² Психоневрологический интернат для недееспособных пациентов от 18 лет, среди которых большую часть составляют выпускники ДДИ.

дений, временами выглядят слишком очевидной данью диссертационному жанру и создают невольный — ну, пусть не комический, но раздражающий эффект. Зачем подчеркивать само собой разумеющееся? Разве для того, чтобы «освоить волонтерскую этику работы с подопечным и пересмотреть собственное отношение к тому, что делает персонал учреждений: перейти от критики к пониманию», обязательно быть антропологом?

Впрочем, в случае Анны срабатывает погружение в материал — или, если воспользоваться ее же собственной терминологией, в «поле». Начинаясь как добротная диссертация, «Наверно я дурак» постепенно превращается в мощную прозу. Док такой силы воздействия, что даже знакомого с описываемой в романе системой читателя начинает потряхивать. У Веркина наоборот: начавшись как роман, «Остров Сахалин» скатывается в дешевый компьютерный комикс, подменяющий философию — экстраполяцией, психологию — функцией, а «упоминательную клавиатуру» — набором мелькающих клипов, каждый из которых может быть без ущерба для целого заменен другим кадром из видеоряда. Вот герои, убегая от зомби, мечутся по охваченному эпидемией Сахалину, по дороге спасая детей. Вот они убивают. Вот выживает «белая кость», японка Сирень, а «прикованный к багру» каторжанин Артем, ее неожиданный возлюбленный, гибнет во время ядерной зачистки вместе со спасенными детьми... И то, и другое, и третье — голая схема, несколько не подкрепленная ни языком «Сахалина», ни логикой поведения героев, ни, наконец, внутренним опытом автора. Весь пресловутый Апокалипсис Веркина происходит не изнутри, но извне: из тщательного штудирования чеховских записей, из чтения лагерной прозы, из виртуальных ходилок-блокбастеров, из ожиданий аудитории, которая за последние пару лет так подседа на всевозможные изображения ада, что любой роман, актуализирующий тему «post aetatem nostram», готова воспринимать на ура.

При этом повседневный и скрупулезно прописанный ад Клепиковой никого не заинтересовал¹. Ни то, как взаимодействовали «волонтерки» с медсестрами и санитарками. Ни то, как Виталик, интеллектуально сохраннный, но парализованный ниже пояса подопечный ДДИ, рвался из детского дома в психоневрологический ин-

¹Кроме критика Анны Наринской, охарактеризовавшей его как «важнейшее человеческое, этическое и литературное высказывание», — но никто из коллег ее не поддержал.

тернат, мечтая о перемене обстановки и о начале хоть какой-нибудь взрослой жизни, — а через два месяца умер там от тоски и плохого ухода. Ни то, как добывал себе сенсорные впечатления слепоглухой Тимоша...

«Тимоша был приучен к горшку и, когда хотел в туалет, хлопал себя по животу. Когда в моей группе на него надели памперс, он просто не понял, что теперь ему можно ходить под себя: он снимал памперс и писал сквозь бортик кровати, потому что из кровати его не выпускали и горшка не давали. Игрушку, которую мы с Агнией (девушкой-волонтером. — *Е. П.*) привязали к бортику кровати, чтобы Тимоша мог что-то щупать, кто-то из санитарок отвязал и выкинул, объяснив это тем, что он из-за этой игрушки не спит и другим детям спать мешает <...> Сходя с ума от отсутствия общения и контакта, Тимоша развлекал себя, как мог, и научился стоять на голове — это давало ему дополнительные вестибулярные ощущения».

Понятно, что сравнивать вымысел и док невозможно — но, по моему, рядом с подобной метафорой все веркинские образы слепых и безязыких детей (к слову, выписанные довольно неубедительно) оборачиваются картонными муляжами.

Впрочем, «Остров Сахалин» — и вообще текст-муляж. Фирменная веркинская усложненность нарратива, промельк и мгновенное исчезновение метафор, вязкость действия и языка раздражают в нем не только сами по себе, но и как ходульное воплощение идеи. Веркин конструирует роман, воплощая идею, и идея съедает текст, тогда как клепиковский текст подчиняет себе идею и — несмотря на декларируемое автором остранение и дистанцирование — дорастает порой до масштабов Шаламова и Гальего.

Но речь не о текстах, на самом-то деле. Речь — о реакции. Об аудитории, востребующей среднего пошиба подростковые страшилки (именно как подростковая книга «Остров Сахалин» даже очень хорош — никакому подростку не вредно узнать, что такое футурология, или задуматься о вариациях современного геноцида) и отказывающейся от разговора о настоящем.

С муляжами оно как-то проще, привычнее, да?